

*Всем тем, кто, думая о грядущем освоении
космоса, видит за пределами атмосферы
космонавтов России, США и других стран,
работающих не по отдельности, а как единая
команда, представляющая все человечество в целом,
с пожеланием, чтобы это видение когда-нибудь
осуществилось*

Глава 1

«НЕКОМФОРТНЫЙ» «МИР», РУССКИЕ ПРОДУКТЫ И «КРЕСЛО БАРАНИ»

При слове «космонавтика» в воображении возникают снопы огня и клубы дыма, вырывающиеся из дюз стартующих ракет-носителей или же похожие на диковинных внеземных насекомых космические аппараты, неторопливо плывущие в черном вакууме космоса. Картину дополняют бочкообразные пилотируемые корабли и словно составленные из банок кока-колы орбитальные комплексы.

Космонавтика — это люди не в меньшей степени, чем техника. Их характеры, интересы, пристрастия, симпатии и антипатии самым непосредственным образом влияют на развитие космической отрасли. Вспомним хотя бы хрестоматийный конфликт двух конструкторов — Сергея Королёва и Валентина Глушко, имевший весьма негативные последствия для развития советской лунной программы в первой половине 1960-х годов, или же личную «войну» конструктора Владимира Челомея с министром обороны СССР Дмитрием Устиновым, которая фактически привела к закрытию челомеевской программы обитаемых военных орбитальных станций.

Правда, доля «человеческого фактора» в беспилотной и пилотируемой космонавтике все-таки разная. В первой он практически заканчивается после ухода автоматического аппарата в космос: либо на орбиту Земли, либо к другой планете. Далее — команды операторов, выверенные с помощью ЭВМ, а потому неподвластные людским эмоциям. Впрочем, и здесь не всегда обходится без воздействия вышеупомянутого фактора. Вспомним, что именно из-за ошибок операторов был в 1988 году потерян аппарат «Фобос-1», предназначавшийся для исследования Марса. *Errare humanum est* (лат.) — человеку свойственно ошибаться.

Кстати, специалистам НАСА тоже пришлось вспомнить эту поговорку и тоже при исследовании Марса с помощью беспилотных аппаратов. В сентябре 1999 года была потеряна связь с «Марс Клаймит Орбитер», который должен был стать искусственным спутником Красной планеты. В задачу «Орбитера» входило исследовать климат Марса, помочь в составлении карты его поверхности, а также стать спутником-ретранслятором для летевшего к Марсу следом за ним аппаратом «Марс Полар Лэндер» (тоже был потерян). Однако при выходе «Орбитера» на околомарсианскую орбиту произошел сбой в работе его системы навигации. Случилось это из-за того, что операторы НАСА использовали метрическую систему (килограммы/сантиметры), а построившая спутник фирма «Локхид Мартин» — английскую (футы/фунты). В итоге «Марс Клаймит Орбитер» вышел на орбиту вокруг Марса не на запланированной высоте 140–150 километров, а всего лишь на высоте 57 километров и был разрушен в результате трения о марсианскую атмосферу.

Куда сложнее дело обстоит с пилотируемой космонавтикой. Значение «человеческого фактора» в ней многократно возрастает, что неудивительно. В первую очередь от людей зависит успех или неуспех программы полета. Времена, когда на орбиту отправлялись корабли с одним космонавтом или астронавтом на борту, давно прошли. В США эру космоплателей-одиночек завершил в мае 1963 года полет Гордона Купера на корабле типа «Меркурий», а в СССР последним одноместным кораблем стал «Союз-3», который в октябре 1968 года вывел на орбиту Георгий Береговой.

Строго говоря, эпоха космонавтов-одиночек закончилась в Советском Союзе не в 1968-м, а в начале 1969 года двумя «полуодиночными» полетами. 4 января в космос ушел «Союз-4», пилотируемый Владимиром Шаталовым. На следующий день следом за ним отправился «Союз-5», на борту которого были Борис Волинов, Алексей Елисеев и Евгений Хрунов. На орбите эти корабли состыковались (это была первая в мире ручная стыковка двух пилотируемых аппаратов), после чего Елисеев и Хрунов перешли через открытый космос в «Союз-4» Шаталова, а в «Союзе-5» остался

один Вольнов. В таком составе экипажи и совершили посадки. Таким образом, два полета Шаталова и Вольнова в совокупности стали как бы одним полетом, выполненным в одиночку: Шаталовым — на орбиту, а Вольновым — с орбиты. Последний вернулся на Землю не без проблем. От спускаемого аппарата, где он находился, не отделился приборный отсек, в результате чего «Союз-5» сорвался в баллистический спуск и приземлился в 600 километрах от расчетной точки. О том, какие сложности представляет собой такой способ возвращения с орбиты, можно судить по аварийному полету «Союза-18А», совершенному Василием Лазаревым и Олегом Макаровым 5 апреля 1975 года, когда им пришлось испытать 18-кратные перегрузки.

Впрочем, как отметил летчик-космонавт Александр Калери, существенно разные условия входа в атмосферу приводят к существенно разным по величине перегрузкам. У Вольнова же главная опасность заключалась в том, что его спускаемый аппарат (СА) летел вперед не лобовым теплозащитным щитом, а люком. А люк в тепловом отношении совершенно не защищен, поэтому Вольнов и был на волосок от гибели. Если бы пирозамки между СА и приборным отсеком не сработали именно в этот момент из-за разогрева, Вольнов бы однозначно погиб.

Пилотируемая космонавтика по-прежнему является одним из наиболее ярких индикаторов стремления и возможностей государства принадлежать к когорте лидеров мирового научно-технического прогресса (с этой точки зрения пилотируемая космонавтика особенно важна для России, ибо других индикаторов такого рода, за исключением, может быть, ядерной энергетики, у России не осталось). Главы государств и национальных космических программ, начинающие взаимное сотрудничество, довольно бдительно следят за тем, чтобы взаимодействие это не привело к укреплению и возвышению космической отрасли одного государства за счет соответствующей отрасли другого. Это привносит некоторый элемент соперничества в отношения на всех уровнях между представителями национальных космических программ.

Еще одна особенность пилотируемой космонавтики состоит в том, что она нередко ставит людей в экстремальные условия.

Причем не только в космосе, но и на Земле. Достаточно вспомнить иссушающе-изматывающую атмосферу крайнего напряжения, которая царила в ЦУПе, когда операторы центра вместе с другими специалистами искали способы спасти «Мир» после его столкновения с «Прогрессом» в июне 1997 года¹. Совместные полеты русских и американцев на станции «Мир», или МКС, а также их совместная подготовка к этим миссиям также во многом являлись и являются стрессовыми ситуациями, в которых наиболее рельефно проступают характерные психологические, интеллектуальные, эмоциональные, а также культурные особенности представителей России и США. Поэтому не будет преувеличением сказать, что пример сотрудничества в космосе России и США будет немалым подспорьем в поисках ответа на вопрос: «Чем отличаются русские от американцев?»

Как отнеслись астронавты и те, кто непосредственно отвечал за планирование и организацию пилотируемых полетов в НАСА, к идее отправить «звездоплывателей»² на «Мир»? «С радостью ухватились за эту возможность», — ответит каждый мало-мальски зна-

---

¹ Летчик-космонавт Павел Виноградов так прокомментировал это место в рукописи: «Оставь все это для киносценария. Не было никакой истерики. Понервничали первые несколько часов, а затем размеренно стали думать, что делать сразу, а что — потом».

² Астронавт переводится с греческого как «звездоплыватель». Любопытно, что некоторые представители американского космического сообщества считают, что российский термин «космонавт» точнее отражает суть работы людей за пределами атмосферы — ведь они пока летают не к звездам, а всего лишь в космос. Кстати, модель наручных часов всемирно известной фирмы Breitling, созданная специально для астронавтов НАСА, называлась *Cosmonaute*. Ее впервые испытал на орбите в мае 1962 г. Скотт Карпентер, четвертый американец, совершивший полет в космос. Отличительной особенностью этой модели было то, что ее часовая стрелка совершала полный оборот не за 12, а за 24 часа. Сделано это было для того, чтобы совершающие длительные полеты астронавты не запутались во времени суток: ведь на орбите день и ночь сменяют друг друга каждые 45 минут. Не менее интересен и другой факт. В 1980-е гг. НАСА присваивало тем, кто летал в космос, три различных титула в зависимости от того, что люди делали на орбите и какую подготовку проходили: летчик-астронавт, астронавт — специалист по полету и специалист по полезной нагрузке. Так вот, специалисты по полезной нагрузке звания «астронавт» не получали, ибо не проходили подготовку к полету в том объеме, чтобы считаться полноценными астронавтами.

комый с космической деятельностью в России и США. И... ошибется. Хотя подобная реакция со стороны американского космонавтического сообщества на данную перспективу была бы вполне логичной. В самом деле: Соединенные Штаты начиная с 1984 года в соответствии с принятым президентом Рональдом Рейганом решением твердо держали курс на создание постоянно обитаемой околоземной станции (из конструкции первоначального, так и не построенного Соединенными Штатами и их западными союзниками варианта под названием «Фридом» выросла «Международная космическая станция» — МКС, которая с 2000 года работает на орбите Земли в пилотируемом режиме).

При этом у американцев отсутствовал сколько-нибудь значительный опыт не только в сфере создания орбитальных комплексов, не считая заселенного лишь с мая 1973 по февраль 1974 года «Скайлэба»¹, который был переделан из третьей ступени ракеты-носителя «Сатурн-5», но и в области подготовки и проведения длительных пилотируемых миссий. Самый продолжительный американский полет измерялся лишь 84 днями, и совершен он был на том же «Скайлэбе». Начиная с 1981 года — времени ввода в эксплуатацию первого «челнока» «Колумбия» — астронавты НАСА проводили на орбите в среднем не более 7–10 дней. Самая длительная миссия шаттла продолжалась 17 суток в ноябре 1996 года. Этот рекорд для космических кораблей многоразового использования принадлежит «Колумбии». Данный полет носил во многом экспериментальный характер: проверить, смогут ли системы «челнока» нормально функционировать в космосе столько времени.

Для сравнения: в 1994–1995 годах, еще до прибытия на борт «Мира» первого американца Норма Тагарда, врач-космонавт Валерий Поляков уже установил рекорд непрерывного пребывания

---

¹ Станция «Скайлэб» была выведена в космос 14 мая 1973 г., а эксплуатировалась в пилотируемом режиме (с людьми на борту) с 25 мая 1973 по 8 февраля 1974 г. За это время на ней поработали три экипажа, каждый из которых состоял из трех человек. После того как станцию покинул последний астронавт, она была переведена в автоматический режим полета и 11 июля 1979 г. сошла с орбиты, просыпавшись в виде искусственного метеоритного дождя на юго-западную Австралию. По некоторым данным, именно этим событием был положен отчет жертвам «космического мусора» — обломком станции была убита корова.

в космосе, равный 437 суткам. Но уже в 1988 году два советских космонавта Владимир Титов и Муса Манаров закончили годовую космическую экспедицию, а многие из их коллег провели на орбите «безостановочно» более полугода. Таким образом, не будет сильным преувеличением сказать, что на фоне советских/российских достижений в области пилотируемых миссий полеты «челноков» производили не большее впечатление, чем прыжки лягушек. И вот теперь астронавтам и наземным специалистам НАСА предоставлялась благодаря «Миру» возможность по-настоящему научиться жить и работать в космосе.

Но почти никто из них энтузиазма по этому поводу не испытывал. Руководитель отряда астронавтов Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) астронавт Хут Гибсон составил список из 25 имен тех «звездоплывателей», которые, по его мнению, стали бы подходящими кандидатами для полета на российской станции. Ответ всех без исключения был отрицательным. Это не значит, что среди астронавтов не было желающих отправиться на «Мир». Были, но в основном те, кто по опыту и по возрасту имели право считаться ветеранами и могли подумывать о грядущем уходе из Отряда астронавтов¹. В 1992 году это были Норм Тагард (49 лет), Шеннон Люсид (49 лет) и Стори Масгрейв (57 лет). Конечно, как показал опыт Джона Гленна, совершившего свой последний полет в космос в возрасте 77 лет, или того же Масгрейва, последний раз вышедшего на шаттле за пределы атмосферы в возрасте 61 года, человек, разменявший полсотни лет, может вполне успешно продолжать карьеру астронавта².

---

¹ Сейчас, по прошествии почти двадцати лет после завершения программы «Шаттл — Мир», трудно восстановить полную картину отношения астронавтов НАСА к перспективе полета на российской станции. Летчик-космонавт Павел Виноградов, сам принимавший участие в программе «Шаттл — Мир», например, считает, что не хотели лететь лишь те, кто уже были задействованы в других программах НАСА, и что для миссии на «Мире» отбирали не потенциальных «пенсионеров», а просто самых опытных.

² Павел Виноградов стартовал в 2013 г. к МКС в качестве командира основной экспедиции в возрасте 59 лет. Он стал в ходе этого полета самым возрастным человеком, когда-либо работавшим в открытом космосе, и отметил на МКС свое 60-летие. А вообще с началом эксплуатации МКС полеты в космос людей в возрасте 50+ стали обычным делом.

Но все-таки отнести к категории тех, кому еще «летать и летать», человека в возрасте около 50 лет уже трудно. А из представителей «подрастающего поколения» нашелся лишь один доброволец. Как ни странно, им оказался 40-летний Джерри Лининджер — человек, который из всех летавших на «Мире» американцев доставил, пожалуй, больше всего «головной боли» как своим соотечественникам, так и русским.

Во многом такое отношение астронавтов к программе «Шаттл — Мир»¹ было связано с тем, что по меньшей мере половина из отобранных кандидатов была бы вынуждена выступить лишь в роли дублеров основных членов экипажей. «Жить и тренироваться в Звездном городке в течение года, а потом — никуда не полететь? Да кто в здравом уме согласится на такое?» — примерно такие ответы слышал Гибсон от тех, к кому обращался с предложением принять участие в «Фазе I». Он пытался «подсластить пилюлю», намекая на то, что дублер получит возможность слетать на шаттле. «В особенности все рвались на СТС-71, — вспоминал он, — на первую стыковку шаттла с “Миром”. Но даже в обмен на этот полет никто не хотел идти в дублеры» [СТС — STS, или Space Transportation System, — это официальное название кораблей типа «Спейс Шаттл», а номер обозначает номер миссии.]

Однако, думается, были тут еще как минимум три причины, по которым «звездоплыватели» не горели желанием принять участие в программе «Шаттл — Мир». Первая заключалась в общем негативном имидже России, который бытовал среди американцев в середине 1990-х годов. Страна ассоциировалась с тотальной коррупцией, правящей на улицах преступностью и экономическим хаосом. Естественно, ехать туда гражданам США — людям, которые слышали о вышеупомянутых явлениях лишь из истории своей страны периода 1930-х годов, было весьма и весьма неуютно. Желаящим ознакомиться с тем, как американцы воспринимали происходившее в России в те годы, я бы рекомендовал прочесть трехтомный до-

---

¹ Программа «Шаттл — Мир» представляла собой «Фазу I» программы МКС. За ней последовала «Фазы II» — создание станции из российских и американских модулей и «Фазы III» — присоединение к этим элементам модулей и техники из Европы, Японии и Канады.

клад специального комитета Палаты представителей Конгресса США, опубликованный в 2000 году. Он получил название «Дорога России к коррупции: как администрация Клинтона поддерживала правительство вместо свободного предпринимательства и серьезно подвела народ России». Другое общеупотребительное полуофициальное название этого документа — «Доклад комитета Кокса» (конгрессмен Кристофер Кокс возглавлял вышеупомянутый комитет)¹.

Вторая причина заключалась опять же в неблагоприятном имидже, который сформировался у американцев, только на этот раз — имидже российской космической программы, в частности станции «Мир». То, как они в целом воспринимали российский «космос», включая орбитальный комплекс, было весьма рельефно показано в вышедшем в 1998 году фильме «Армагеддон»: дряхлая станция, состоящая из проржавевших, более напоминающих мусорные баки, модулей, готовая развалиться от малейшего толчка. Экипаж ее состоял из одного полудурка-космонавта, обслуживающего комплекс с помощью гаечного ключа, очень напоминающего водопроводный². Конечно, некто может с умным видом заметить: «Но это же Голливуд! Специалисты, разумеется, понимают, что это не соответствует действительности». Однако каждый, кто прожил в США более или менее продолжительное время, знает, что восприятие подавляющим большинством американцев внешнего мира осуществляется во многом именно через призму голливудской продукции. Что касается образа российского «космоса», то он еще в большей степени был отдан на откуп американским журналистам и кинематографистам из-за отсутствия достаточно количества достоверной информации о российской космической программе.

---

¹ Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People, report prepared by Speaker's Advisory Group on Russia, U. S. House of Representatives, 106th Congress, Washington, D.C., September 2000.

² Вообще-то люди, не понаслышке знакомые с инженерией, отнесли к этому моменту в фильме «Армагеддон» как к рекламе отечественной космической техники. В самом деле: какой же продуманностью, отработанностью, надежностью и ремонтпригодностью (а значит, живучестью) должна отличаться такая сложная конструкция, как космическая станция, чтобы ее можно было починить с помощью гаечного ключа!

Третья причина, как мне представляется, заключалась в некоей избалованности астронавтов НАСА. Зачем месяцами терпеть неудобства, связанные с пребыванием в невесомости и отсутствием привычных составляющих земного комфорта, когда после недельной миссии на орбите можно точно так же купаться в свете юпитеров, раздавать интервью средствам массовой информации и получать прочие всевозможные дивиденды от обладания гордым статусом «звездоплвателя». Так, например, Майкл Фозл, впоследствии среди всех прочих американских астронавтов, летавших на «Мире», продемонстрировавший наилучшую приспособленность к условиям российской станции, поначалу не хотел принимать участия в программе «Шаттл — Мир». «Честно говоря, я думал, что длительный космический полет будет адски труден, — признавался он уже после завершения своей долговременной орбитальной миссии. — Меня он совсем не привлекал».

Когда глава отдела астронавтов Боб Кабана или кто-то из его подчиненных намекали Фозлу, что он должен был бы принять участие в данной программе, Майкл давал понять, что она его не интересует. Даже если бы его и тянуло попробовать себя в долгосрочной орбитальной «командировке», семейные обстоятельства не благоприятствовали этому. Ронда — его жена — ушла с работы в НАСА, чтобы целиком посвятить себя воспитанию их двоих малышей, а сам Фозл никогда не отрывался от семьи больше, чем на пару недель. В общем, какие там многомесячные полеты в космос, когда нужно помогать жене ездить за покупками в супермаркет и менять памперсы младенцам.

Трудно поверить, но в истории российско-американского сотрудничества в космосе был эпизод, когда семейная «привязанность» операторов ЦУПа в Хьюстоне привела к откладыванию стыковки очередного «Прогресса» с МКС. 10 сентября 2008 года «Прогресс М-65» отправился к станции. Накануне старта комиссия, в состав которой входили и американцы, дала «добро» на его запуск. Стыковка должна была состояться в ночь с 12 на 13 сентября по московскому времени. Непосредственно перед ней операторы хьюстоновского ЦУПа должны были развернуть солнечные батареи американского сегмента так, чтобы в момент толчка при касании «Прогресса» к станции они не сломались.

Но в середине того же сентября на Техас надвигался ураган «Айк». В штате, в том числе и в Хьюстоне, объявили штормовое предупреж-

дение. По приказу губернатора Техаса Центр имени Джонсона (где и расположен американский ЦУП) был накануне стыковки закрыт «на ключ». Это означало, что отдать из него команду на разворот батарей было невозможно. Проблема эта решалась относительно легко: в Хантсвилле, штат Алабама, есть резервный ЦУП, из которого можно было осуществить данную операцию. Все, что для этого было нужно, — это направить с десятков операторов Центра имени Джонсона в Хантсвилл.

Казалось бы — в чем вопрос? Садись на самолет и через час ты уже на месте. Но, как оказалось, губернатор Техаса приказал эвакуироваться не только сотрудникам Центра, но и их семьям. «Как же так, — сказали операторы, — мы улетим в Хантсвилл, а наши семьи в это время будут эвакуироваться, и мы окажемся с ними разделенными? Нет, так дело не пойдет. С семьями разлучаться не станем». Руководству Центра оставалось только развести руками и в очередной раз проявить уважение к «правам человека». Операторы никуда не полетели, а стыковка была перенесена на 17 сентября.

С одной стороны, подобная преданность специалистов ЦУПа своим семьям не может не вызвать симпатии. Но, с другой стороны, ведь речь шла об ответственной операции для МКС, а упорядоченная местная эвакуация в современной Америке и отдаленно не напоминает эвакуацию людей в условиях военного времени куда-то в глубь страны (как это было в СССР во время Великой Отечественной войны). Тогда в хаосе и неразберихе переездов и обустройств на новых местах порой действительно терялись целые семьи. Представить, что подобное возможно в наше время в США, где почти у каждого жителя есть сотовый телефон, просто невозможно. Дело здесь в другом — просто американские операторы посчитали отложенную стыковку меньшим злом, чем кратковременный психологический дискомфорт от непродолжительной разлуки с семьями. Подобная «привязанность» к родным и близким у операторов ЦУПа в Королёве понимания не нашла.

С. М. Самуйлов — старший научный сотрудник Института США и Канады РАН — так объяснил разницу в переносимости космонавтами и астронавтами длительных околоземных миссий: «Генетически, веками закрепленное умение русских выживать в тяжелых природных условиях и быстро покорять большие и суровые пространства (Сибирь), несомненно, было одной из важнейших пред-

посылок их стремительного прорыва в космос. Отнюдь не случайно, естественным путем получилось, что по продолжительности полетов на орбитальных пилотируемых станциях российские космонавты далеко опередили всех других. Подобно тому, как европейцы из Ганзейского союза молча признавали превосходство новгородцев в деле добычи пушнины на русском Севере, сегодня и европейцы, и американцы признают **нашу более высокую степень приспособленности и подготовленности к осуществлению продолжительных космических полетов** (выделено мной. — Ю. К.)¹.

С наблюдением российского исследователя согласен американец Ейл Ричмонд, который написал одну из наиболее интересных и глубоких книг, посвященных особенностям русского характера: «...русские — это закаленные люди, отличающиеся вызывающей восхищение выносливостью, которые более чем [убедительно] доказали свою способность выживать в условиях нехватки самого необходимого и длительных невзгод»². Но что лежит в основе этой способности? Помимо отмеченного Самуйловым «генетически закрепленного» умения русских выживать в тяжелых природных условиях есть, видимо, еще один фактор. О нем сказал в XVIII веке французский аббат и ученый Шапп д'Отерош, совершивший в 1761 году по приказу королю Людовика XV путешествие в Россию и описавший свое пребывание там в путевых заметках. «...Вся жизнь их (русских. — Ю. К.) и свершения зиждятся **на мощной силе темперамента** (выделено мной. — Ю. К.), каковая помогает им переносить... жесточайшие тяготы и усталость без какого-либо вреда для здоровья»³.

---

¹ Самуйлов С. М. Российская цивилизация: отличия от Запада, особенности, сущность // Российская цивилизация: через тернии к звездам: сб. статей. М.: Вече, 2003. С. 113.

² *Richmond Yale*. From Nyet to Da. Understanding the Russians, Intercultural Press, Inc., USA, 1996. P. 43.

³ Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 95. Я бы рекомендовал прочитать данную «дуэль» всем интересующимся философией отношений между Россией и Западом. Путевые заметки аббата являются великолепным образцом восприятия российской действительности через призму устоявшихся и предвзятых стереотипов, распространенных в западном обществе в отношении России. Взгляды жителей западных стран на современную Россию и сегодня несут отпечаток некоторых из этих стереотипов.

Нацеленность русских на космос отметил и нынешний (по состоянию на 2016 г.) глава НАСА, астронавт Чарльз Болден, который в 1994 году командовал первым смешанным российско-американским экипажем шаттла. «Россия — бедная страна, — сказал он, вернувшись из поездки в Москву после завершения того полета. — Но вы смотрите вокруг и везде видите памятники ракетам и космонавтам (вероятно, Болден имел в виду музейный комплекс «Мемориальный музей космонавтики» у метро ВДНХ, павильон «Космос» на ВВЦ, памятник Гагарину на Ленинском проспекте или же памятник создателям первого спутника Земли, установленный у метро «Рижская». — Ю. К.). А теперь посмотрите вокруг себя в Вашингтоне. Повсюду памятники полководцам и солдатам. Может сложиться впечатление, что вся наша история — это сплошные войны».

Увы, скептическое отношение астронавтов к программе «Шаттл — Мир» разделялось в определенной степени и руководством Центра имени Джонсона. Для посвященного в детали «интерьера» данной организации это было видно сразу. Обычно перед входом в главное здание (или официально — «Здание номер один») Центра на флагштоках развеваются флаги: США, штата Техас, а также флаг с эмблемой проходящей в данный момент космической миссии. Программа «Шаттл — Мир» не стала исключением. Она также получила свою эмблему, разработанную художниками НАСА. Но в течение длительного времени флаг с этой эмблемой не удостоивался чести быть поднятым перед главным зданием. Потребовалось специальное вмешательство американского директора программы «Шаттл — Мир» («Фазы I») астронавта Фрэнка Калберсона, чтобы флаг данной программы заполоскался на флагштоке перед «штабом» Центра имени Джонсона.

Порой складывалось впечатление, что сотрудники НАСА вообще не были в курсе того, что астронавты агентства летают на российской станции¹. Так, Том Машбурн — один из врачей, отвечав-

---

¹ Летчик-космонавт Виноградов «заступился» за американцев, так прокомментировал эту часть в рукописи: «Многие американцы не знают, сколько штатов в США, не говоря уже о том, кто там летает. Ты зайди в “Энергию” сегодня и посчитай число правильных ответов на вопрос КТО ЛЕТАЕТ? — изменишь мнение в лучшую сторону об американцах. Наши тоже не знают — не очень интересно — главное, чтобы регулярно зарплату платили, а за что — не очень важно!»

ших за здоровье «звездоплывателей», участвовавших в экспедициях на орбитальном комплексе, — был вынужден постоянно напоминать работникам НАСА, чтобы они не загружали его никакой другой работой.

— Я обеспечиваю полет, — обычно отвечал он.

— Какой полет?

— На «Мире».

— А-а-а.

За шесть месяцев до старта своего главного подопечного — Джерри Лининджера Машбурн принял участие в проведении миссии Шеннон Люсид. В какой-то момент у специалистов НАСА возникло опасение, что подтекавшая на борту станции батарея могла выделять в атмосферу комплекса двуокись серы, и Машбурну необходимо было срочно установить — насколько опасны могли быть подобные испарения для здоровья человека. Он отправил сообщения на пейджеры нескольких токсикологов, работавших в Хьюстоне, но никто из них ему так и не перезвонил.

— Ребята, я сотни раз пытался найти вас через пейджеры, — сказал он, когда ему наконец удалось связаться с ними по телекону (конференция по телефону, позволяющая собрать воедино людей, находящихся в разных местах), — где вы были?

— Ну если никто не летает, то мы не включаем пейджеры, — ответил один из них.

— Летает, — сказала старший токсиколог Хелен Лэйн, — на «Мире».

Впрочем, стоит ли удивляться подобному отношению к программе «Шаттл — Мир» со стороны части сотрудников Центра имени Джонсона. Даже не все члены руководства НАСА — организации, которая ухватилась за идею сотрудничества с Россией, чтобы спасти свое главное детище в виде новой международной станции¹,

---

¹ Станция «Фридом», которая начала создаваться в 1984 г., должна была войти в эксплуатацию через 6–7 лет и стоить не более 8 млрд долларов. Но к началу 1990-х гг., израсходовав почти 10 млрд долларов, ее разработчики смогли предъявить американским налогоплательщикам лишь десятки килограммов проектно-конструкторской документации. В 1993 г. Конгресс США сказал: «Хватит!», и уже готов был закрыть проект орбитального комплекса, когда Белый дом и НАСА ввели на «поле» американской космической деятельности нового игрока — Россию. Администрация

испытывали энтузиазм по поводу предстоявшей совместной работы с русскими. Показательными в этом смысле стали слова Хэрри Холлоуэя — ассоциированного администратора Агентства по исследованиям в области космической биологии, медицины и микрогравитации. «Господа, — как-то сказал он, обращаясь к своим коллегам, — у меня есть хорошие и плохие новости. Хорошие — это то, что мы только что избежали ядерного конфликта в Южной Азии. Плохие, — тут он сделал театральную паузу, — это то, что нам теперь предстоит работать по “Миру”».

Надо сказать, что первые впечатления астронавтов и специалистов НАСА, прибывших на подготовку и работу в Звездном городке, не способствовали развенчанию негативных стереотипов о России и ее космонавтике. Появившийся в феврале 1994 года в ЦПК «де-сант» первопроходцев, состоявший из директора российского направления астронавта Кена Камерона, врача экипажа Дэвида Уорда, а также кандидатов на полет на «Мире» Норма Тагарда и Бонни Данбар, чувствовал себя там поначалу потерянным и дезориентированным. По их рассказам, после приветственного банкета, организованного в честь их прибытия начальником Звездного Петром Климуком, они были предоставлены самим себе. Не будучи проинформированными о том, где им следует питаться, Камерон и Уорд стали ходить в кафе космонавтов. Там в соответствии с известным принципом — «главное в еде не то, что ты ешь, а то, в какой компании ты это делаешь», они надеялись не только завтракать, обедать и ужинать, но и в неформальной обстановке общаться с космонавтами и другими специалистами ЦПК. Так они полагали начать строить мосты взаимопонимания. Однако вместо этого (опять же

президента и руководители космической программы США смогли убедить обитателей Капитолийского холма, что приглашение России в программу международной станции поможет решить, как минимум, три глобальных задачи. Первая — продемонстрировать начало «новой эры» в отношениях между Москвой и Вашингтоном, как это в свое время сделал проект «Аполлон — Союз», осуществленный в период разрядки первой половины 1970-х гг. Вторая — обеспечить работой российских специалистов в области ракетно-космической техники у себя в России, чтобы они не искали применения своим силам в таких странах, как Иран, Ирак, Ливия или Северная Корея (напомню, речь идет о начале 1990-х гг.). Третья — построить новую станцию быстрее, лучше и дешевле.

по их рассказам) они оказались отселенными в небольшую комнату рядом с главным залом кафетерия, где им всем приходилось размещаться за одним круглым столом. Если же они пытались присоединиться к обедающим в основном зале сотрудникам Звездного, то официантки нередко их просто игнорировали, а некоторые из ветеранов-космонавтов оглядывали американских гостей с нескрываемым недоброжелательством¹.

Впрочем, даже эти невеселые походы за едой вскоре прекратились: американцы узнали, что НАСА не будет компенсировать их траты в кафетерии. Обследовав окрестности ЦПК, Уорд нашел магазин, где можно было купить продукты питания, включая фрукты, овощи и водку. Казалось, проблема решена, но его коллеги из НАСА дали понять, что российских продуктов следует избегать по мере возможности. Не было гарантии, что через них не подцепишь вирус гепатита или же не съешь вместе с растительной пищей радионуклиды, в изобилии выпавшие на некоторые сельхозрайоны бывшего СССР после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

Кстати, у российских космонавтов тоже были претензии по поводу американской пищи. По словам Александра Кале-

---

¹ Почему так происходило? Наверное, потому, что советская космическая программа была сильно идеологизирована. Космонавты ощущали себя на переднем крае глобальной борьбы между социализмом и капитализмом. Одной из их главных задач было показывать преимущества нового строя через достижения в космосе, которыми Запад похвастаться не мог. Поэтому многие из ветеранов советской космонавтики «на уровне ДНК» воспринимали своих американских коллег как соперников. Но социалистический строй рухнул, проиграв капитализму соревнование в главной сфере — экономике, и космические достижения его не спасли. С попыткой России войти в рынок «напролом» проявилась тенденция к массовой распродаже советского научно-технического наследия, в том числе на Запад. Об этом достаточно подробно написано в мемуарах бывшего офицера Службы внешней разведки Сергея Третьякова (*Earley Pete, Comrade J. G. P. Putnam's Sons. New York, 2007. P. 114–120*). Возможно поэтому ветераны-космонавты смотрели на американцев в Звездном городке в первой половине 1990-х гг. как на «победителей», явившихся за «трофеями». Но, возможно, была и еще одна причина, по которой ветераны советского «космоса» в начале двустороннего партнерства не слишком привечали представителей космической программы США. Ее озвучил летчик-космонавт Валерий Рюмин. «Это что же получается? — спрашивал он. — Американцы нашего космонавта покатают неделю на шаттле, а мы за это их астронавта будем месяцами возить на “Мире”?»

ри, ряд наших космонавтов приобрел избыточный вес после регулярных поездок на сессии в Хьюстон по программе МКС, что навело их на мысль о том, что в Штатах они ели генномодифицированные продукты. Впрочем, возможно, истинная причина намного прозаичнее. Выходцы из бывшего СССР, даже относящиеся к такой хорошо снабжаемой элите, как космонавты, не были избалованы продуктовым изобилием. Можно представить, как им трудно было удержаться, чтобы не попробовать все продукты «скатерти-самобранки» американских гастрономов.

Тогда по субботам Камерон стал организовывать продуктовый «обоз» в посольский магазин в Москве, где каждый покупал себе то, что хотел. Правда, похоже, там тоже не было особых разносолов, ибо в течение нескольких недель основным блюдом Камерона и Уорда была весьма популярная в Западном полушарии американо-латиноамериканская смесь риса и фасоли, которую они разогревали на кухонных плитах в своих номерах. А культурная программа сотрудников НАСА состояла из субботних коллективных просмотров в номере Тагарда на пятом этаже одних и тех же фильмов. Среди них самыми популярными были: «Бегущий по лезвию бритвы», «Бэтмен», а также комедии Мела Брукса. Причем Тагард, демонстрируя свою память и знание этих кинолент, постоянно с опережением цитировал реплики героев, доводя тем самым Камерона до белого каления.

Впрочем, отсутствие голливудского разнообразия, стейков с жареной картошкой, пива «Будвайзер», яблочного пирога или же просто продуктов, качество которых не вызывало бы сомнения, было не единственной прорехой в традиционном представлении жителей Нового Света о комфорте. Пожалуй, не меньшее неудобство доставляло им чувство изоляции, которое возникло у них почти сразу после прибытия в Звездный. Интеграции в российскую среду не получалось. Офицеры окидывали сотрудников НАСА настороженными взглядами, когда те гуляли по территории ЦПК.

Не всегда работала и обычная телефонная связь. Для разговоров с Хьюстоном Камерону пришлось установить на балконе своей квартиры в профилактории тарелку спутникового телефона «Инмарсат», чей «шпионский» вид явно не способствовал уменьшению

недоверия русских к американцам. Через какое-то время аналогичная тарелка появилась и на балконе у Данбар. Пока она и Тагард углубляли свои знания русского на соответствующих занятиях в ЦПК, Камерон пытался договориться с Климуком и его помощниками об условиях жизни и работы сотрудников НАСА в Звездном.

Начальник ЦПК поначалу отверг все просьбы директора российского направления. В особенности его удивила просьба последнего предоставить американцам помещение для офиса. В свою очередь, Камерон удивился, почему это естественное пожелание вызвало у руководителя Звездного удивление. Впрочем, астронавт довольно быстро нашел ответ на этот вопрос. Дело оказалось в том, что договор о полете «звездоплавателей» на «Мире» был заключен между НАСА и Российским космическим агентством (РКА). Но ЦПК подчинялся не РКА, а министерству обороны. Военному же руководству Звездного гражданское ведомство в лице РКА было не указ. Чтобы получить хоть некоторые из условий, необходимых для полноценной работы представителей НАСА в ЦПК, Камерону пришлось прибегнуть к помощи посольства США в Москве. Кстати, вместе с дипломатами он выработал и план экстренной эвакуации своих подопечных на случай военного переворота в России.

Через некоторое время американцы одержали маленькую «победу»: Тагарду и Данбар представили по машине с водителем, чтобы они могли совершать по субботам свои продуктовые «набеги» на посольский магазин. Впрочем, поездки эти помогали американцам зарядиться не только витаминами и калориями, но и адреналином. Они в шутку говорили, что номера удостоверений российских водителей начинаются с двух нулей, что, как у Джеймса Бонда, означает лицензию на убийство. С прибытием в Звездный жены Тагарда Кирби жизнь сотрудников НАСА в ЦПК приобрела более «одомашненный» характер — она стала главным продовольственным «снабженцем», а кроме того, баловала своего мужа и его коллег поистине роскошными обедами.

Пожалуй, труднее всего на начальном этапе приходилось врачам экипажей — Дэйву Уорду и Майку Барратту. Они периодически сменяли друг друга в Звездном, наблюдая за физическим состоянием астронавтов в ходе их подготовки к полету. Русские врачи были довольно дружелюбны, но отнюдь не всегда откровенны. Как Уорду, так и Барратту приходилось иногда попадать в ситуации, ког-

да они «допрашивали» своего российского коллегу о том или ином аспекте полета на «Мире», а в комнату, где это происходило, неожиданно входил офицер и командным тоном ставил их «на место» со словами: «Этот вопрос обсуждать запрещено».

Некоторые из устройств, используемых для тестирования/подготовки космонавтов, вызвали у врачей НАСА неподдельную тревогу, ибо ассоциировались скорее со средневековыми орудиями инквизиции, чем с современными средствами обследования и тренировки космоплатателей. К числу таких относилось, к примеру, «кресло Барани», или КУК (кумулятор ускорения Кориолиса). Испытуемый с непроницаемыми черными очками на глазах садился в это кресло, после чего оно начинало вращаться: минуту — вправо, минуту — влево. В конце минутного цикла — остановка КУКа, да такая резкая, что сидящему на нем человеку казалось, будто у него «выплеснулись» мозги. При этом испытуемому в ходе вращения предписывалось еще и кивать головой, устраивая таким образом настоящую пытку своему вестибулярному аппарату.

Каждый кивок — словно удар бича по внутренностям, оставляющий, правда, не жгучую боль, а чувство тошноты. Пару кивков — и вот уже трудно определить: где верх, где низ. Целью подобного обследования было, с одной стороны, установить пределы вестибулярной устойчивости человека (то есть, грубо говоря: вырвет его до конца 10—15 минутного «истязания» или нет), а с другой — способствовать развитию этой устойчивости. Существует еще и так называемый «непрерывный» КУК, когда человек без остановки вращается в одну сторону 15 минут. Космонавт Георгий Гречко называл вестибулярные испытания «самыми трудными при отборе», а нагрузки на вестибулярный аппарат «самыми трудными в полете»¹. В истории космонавтики есть рекорд вращения на КУКе, который установил Валерий Быковский — советский космонавт, летавший по программе «Восток» и «Союз». Он крутился на нем 45 минут.

В вестибулярных пробах еще используются так называемые «качели Хилова». Испытуемый укладывается на них горизонтально, после чего его начинают качать вверх-вниз.

---

¹ Гречко Георгий. Над нами «издевались» по полной программе: интервью Utro.ru, 28 июня 2005 г.

Иногда для усложнения пробы голову качаемого опускают немного ниже ног. Таким образом, помимо болезни движения имитируется еще прилив крови к голове во время космического полета.

НАСА тоже поначалу сажало своих астронавтов на «кресло Барани», но было это на заре космической эры, после чего агентство отказалось от подобных проверок-тренировок. Барратт не собирался подвергать своих подопечных испытанию КУКом и после долгих переговоров со своими российскими коллегами добился освобождения астронавтов от данной «пытки».

Удалось ему уберечь астронавтов и от трех других, не менее «приятных» «аттракционов», входящих в стандартную подготовку космонавтов. Одним из них было испытание на термостойкость. Испытуемого помещают в специальную термокамеру, в которой поднимают температуру до 50–60° С. Проба прекращается лишь тогда, когда температура у него во рту (для этого он держит там специальный термометр) поднимется на два градуса. Обычно эта «парилка» длится около часа. Зачем это нужно? Как известно, спускаемый аппарат довольно сильно нагревается при входе в плотные слои атмосферы. Чтобы защитить экипаж и внутренние системы корабля от высоких температур, используется ТЗП (теплозащитное покрытие), или, проще говоря, обмазка, изготовленная на основе стеклотекстолита. Сторая, данная обмазка отводит жару от корпуса капсулы. При этом из иллюминатора открывается не самое приятное зрелище: рвущиеся за окном всполохи пламени создают впечатление, что корабль горит.

О том, через какой «вулкан» приходится проходить капсуле, говорит ТЗП. Изначально обмазка эта имеет рыжий цвет, но ее остатки после приземления корабля становятся угольно-черными, особенно в районе днища спускаемого аппарата.

Но что, если теплозащитное покрытие не сработает так, как надо? Температура внутри спускаемого аппарата может значительно повыситься. Кроме того, в скафандре «Орлан» во время выхода в открытый космос может отказать система терморегулирования, что также приведет к тому, что внутри скафандра образуется ма-